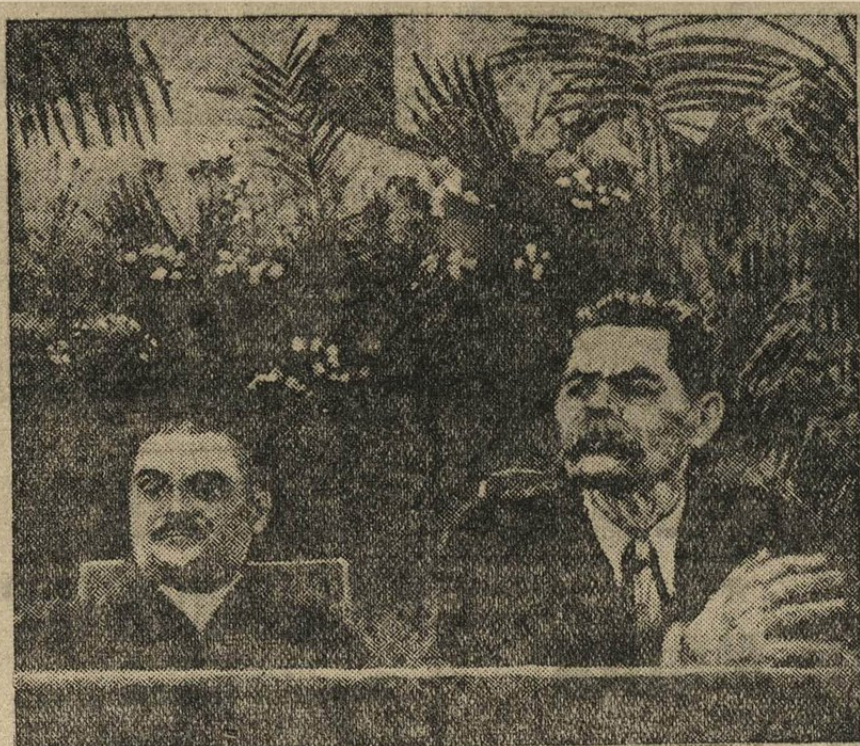

СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗ ДОКЛАДА А. М. ГОРЬКОГО 17 АВГУСТА НА ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тт. А. А. ЖДАНОВ и А. М. ГОРЬКИЙ
в президиуме съезда писателей.

Доклад свой А. М. начинает с анализа истоков мировой культуры, с характеристики основных форм народного творчества древнейших времен.

Смысл этого творчества, указывает А. М., «сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемов, «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы».

«Имеется полное основание надеяться», — продолжает А. М., что, когда история культуры будет написана марксистами, — мы убедимся, что роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена, а в области литературы — особенно сильно, и еще более — в области живописи, где буржуазия всегда была работодателем и тем самым являлась законодателем. Буржуазия не имела в самой себе и не имеет тяготения к творчеству культуры, если это творчество понимать шире, чем только непрерывное развитие внешних — материальных, бытовых удобств и развитие роскоши. Культура капитализма не что иное, как система приемов физического и морального расширения и укрепления власти буржуазии над миром, над людьми, сокровищами земли, энергиями природы. **Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией, как необходимость роста всей массы человечества.** Известно, что по силе буржуазной экономической политики каждая соседняя нация, организованная, как государство, являлась враждебной, а племена слабо организованные и, особенно, цветные служили буржуазии, как рабы, еще более бесправные, чем ее собственные белокожие рабы.

У крестьян и рабочих было отнято право на образование, — на развитие разума и воли к познанию жизни, к изменению ее условий, к облегчению трудовой обстановки. В школах воспитывались и воспитываются только покорные слуги капитализма, верующие в его незыблемость и законность. О «воспитании народа» говорили, писали, даже хвастались успехами грамотности, но на самом деле раздробляли трудовой народ, внушали ему идеи непримиримого различия рас, наций, религий. Этой пропагандой оправдывается бесчеловечная колониальная политика, дающая все более широкий простор бессмысленной страсти к наживе, идиотской жадности лавочников. Этой проповеди служила буржуазная наука, не брезгая опускаться до утверждения, что отрицательное отношение людей арийской расы ко всем другим «органически выросло из метафизической деятельности целого народа», хотя совершенно очевидно, что если «целый народ» заражался постыдной, животной враждой к цветным расам или к семитам, — зараза эта прививалась вполне реальной, физической и подлейшей деятельностью буржуазии «огнем и мечом». Если вспомнить, что эту деятельность христианская церковь сделала символом страдания любвеобильного «сына божия», — зловещий юмор этого обнажается с наглядностью отбратительной.

Переходя к истории буржуазной литературы, Алексей Максимович говорит о героическом сочетании мыслей и чувств в народном творчестве, подчеркивая, что «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа...»

«... Значение фольклора особенно ярко освещается сравнением его фантастики, основанной на успехах труда, с тяжелой, бездарной фантастикой

церковной «житийной» литературы и жалкой фантастикой рыцарских романов.

Эпос и рыцарский роман — творчество феодального дворянства, его герой — завоеватель. Хорошо известно, что влияние феодальной литературы никогда не было особенно значительным.

Буржуазная литература начинается еще в древности, Египетской «сказкой о воре», ее продолжают греки, римляне, она является в эпоху разложения рыцарства, на смену рыцарского романа. Это — подлинно буржуазная литература, и ее основной герой — плут, вор, затем — сыщик, и снова вор, но уже «вор-джентльмен».

Типы буржуазной литературы, развивает далее свою мысль А. М., «... конечно, не исчерпывают разнообразия «великих» людей, созданных практикой буржуазии в XIX—XX веке. Всем этим людям нельзя отказать в силе характеров, в гениальном умении считать деньги, грабить мир, затеивать международные боины для их личного обогащения, нельзя отказать в изумительном бесстыдстве и бесчеловечии их дьявольски мерзкой работы. Критика реалистическая, высокохудожественная литература Европы прошла и проходит мимо этих людей, не заметив, как бы не замечая их.

Ни в драме, ни в романе мы не найдем типов банкира, промышленника, политика, изображенных с тою силою искусства, с какой литература дала тип «лишнего человека». Она не отметила также трагические и весьма обычные судьбы мастеров и создателей буржуазной культуры — деятелей науки, искусства и изобретателей в области техники, не отметила героев, которые боролись за свободу наций из-под гнета иноземцев, не отметила и мечтателей о братстве всех людей, таких, как Томас Мор, Кампанелла, Фурье, Сен-Симон и другие. Все это говорится не в качестве упрека. Прошлое — небезупречно, но упрекать его — бессмысленно, а вот изучать необходимо...»

Нарисовав затем картину вырождения искусства и литературы в капиталистическом обществе, творческого бессилия буржуазной культуры, А. М. характеризует различные направления как западно-европейской, так и русской, дореволюционной литературы и предупреждает, что было бы, однако, «глупо и даже преступно недооценивать силы врага. Мы все прекрасно знаем, как сильна его промышленная техника и особенно — военная, которая рано или поздно будет направлена против нас, но неизбежно вызовет всемирную социалистическую революцию и уничтожит капитализм. Военные авторитеты Запада громкогласно предупреждают, что война вовлечет в себя весь тыл, все народонаселение воюющих стран. Допустимо предполагать, что многочисленное мелкое мещанство Европы, еще не совсем забывшее об ужасах боины 1914—1918 гг. и напуганное грозной неизбежностью новой, еще более ужасной боины, — догадается, наконец, о том, кому именно выгодно грядущая социальная катастрофа, кто преступник, периодически и ради гнусных своих выгод истребляющий миллионы народа, — догадается, поможет пролетариям сломить голову капитализму. Предполагать это можно, но надеяться, что это будет, — нельзя, — ибо еще жив мезуит и трус, вождь мещанства, социал-демократ. Крепко надеяться следует на рост революционного правосознания пролетариата, но еще лучше для нас быть уверенным в своей силе и непрерывно развивать ее. Развитие революционного самосознания пролетариата, его любви к родине, создаваемой им, и защите родины — одна из существенных обязанностей литературы».

ТРУД МАСС—ОСНОВНОЙ ОРГАНИЗАТОР КУЛЬТУРЫ

«...Мы должны усвоить, что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, как тех, которые на протяжении веков понижали решающее значение труда — источника наших знаний, так и тех идей Маркса—Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творческой науки, искусства. Для успеха нашей работы нам необходимо понять, прочувствовать тот факт, что в нашей родине социалистически организуемый труд полуграмотных рабочих и примитивного крестьянства создал в краткий срок десяти лет грандиозные ценности и отлично вооружился для защиты от нападения врага.

Правильная оценка этого факта покажет нам культурно-революционную силу учения, объединяющего весь пролетариат мира.

Мы все—литераторы, рабочие фабрик, колхозники—все еще плохо работаем и даже не можем вполне освоить все то, что создано нами и для нас. Наша трудовая масса все еще плохо понимает, что она трудится только на себя, для себя. Это сознание всюду тлеет, однако, еще не вспыхнуло мощным и радостным огнем. Но ничто не может вспыхнуть раньше, чем достигнет определенной температуры, и никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина, и современный нам вождь этой партии.

Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда, кото-

рый у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь, организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны научиться понимать труд, как творчество. Творчество — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея право на это. Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова.

Молодая наша литература не может похвастаться этим качеством. Запас впечатлений, количество знаний наших литераторов не велик, и особенной заботы о расширении, углублении его не чувствуется.

В Союзе Социалистических Советов рабоче-крестьянской властью призвана к работе строительства новой культуры вся масса народонаселения — отсюда следует, что ответственность за ошибки, неполадки, за брак работы, за все проявления мешанской пошлости, подлости, двоедушия, беспринципности возлагается на всех нас и каждого. И значит, наша критика должна быть действительно самокритикой и значит, что мы должны выработать систему социалистической морали, регулятора нашей работы, наших взаимоотношений.

Рассказывая о фактах, которые знаменуют интеллектуальный рост рабочего фабрик и превращение векового собственника в коллективиста-колхозника, мы, литераторы, именно только рассказываем, очень плохо изображая эмоциональный процесс этих превращений.

Мы все еще плохо видим действительность. Даже пейзаж страны резко изменился, исчезла его нищенская беднота, голубоватая полоска овса, рядом с нею—черный клочок вспаханной земли, золотистая лента ржи, зеленевата—пшеница, полосы земли, заросшей сорными травами, а в общем—разноцветная печаль всеобщего раздробления, разорванности. В наши дни огромные пространства земли окрашены могуче, одноцветно, над селом и уезд-

ным городом возвышается не церковь, а огромные здания общественного назначения, гигантские фабрики сверкают обилием стекла и маленькие, языческие, разнообразные, как бы игрушечные, древние церкви убедительно говорят нам о талантливости нашего народа, выраженной в церковном зодчестве. В литературе нет нового пейзажа, резко изменившего лица нашей земли.

МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ КОРЕННОЙ ЛОМКИ СТАРОГО БЫТА

Мы живем в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя, как силы, действительно изменяющей мир. Многим смешно читать, что люди изменяют фамилии Свинухин, Собакин, Кутейников, Попов, Свищев и т. д. на фамилии Ленский, Новый, Партизанов, Дедов, Столяров и т. д. Это не смешно, ибо это говорит именно о росте человеческого достоинства, об отказе человека носить фамилию или прозвище, которое унижает его, напоминая о тяжелом, рабском прошлом дедов и отцов.

Наша литература не так внимательно относится к мелким внешним, но внутренне весьма ценным показателям изменения самооценки людей, к процессам развития нового, советского гражданина. Возможно, что Свинухин взял фамилию Ленского не у Пушкина, а по связи с массовым убийством рабочих на Ленских приисках в 1912 году, а Кутейников действительно был партизаном, а Собакин, дед которого крепостной раб, быть может был выменен на собаку,—действительно чувствует себя «новым». До революции, для того, чтобы изменить фамилию, нужно было подать об этом прошение «на высочайшее имя» царя, и когда некто Певцов попросил изменить его фамилию по именам матери и бабушки—Авдотьин, на прошение была «начертана» резолюция: «душевнобольной».

А недавно мне сообщили такой факт: матрос германского флота, человек с исторической фамилией, потомок декабристов, Волконский стал фашистом.

«Почему?»—спросили его.

«Потому, что офицером запретили бить нас»,—ответил он. Вот яркий пример утраты чувства собственного достоинства наследственным аристократом, человеком «голубой крови».

Рост нового человека особенно ярко заметен на детях, а они совершенно вне круга внимания литературы. Наши сочинители как будто считают ниже своего достоинства писать о детях и для детей.

Мне кажется, что я не ошибаюсь, замечая, что отцы начинают все более заботливо и нежно относиться к де

твенно, что впервые за всю жизнь человечества дети являются наследниками не денег, домов и мебели родителей, а наследниками действительной и могущественной ценности—социалистического государства, созданного трудом отцов и матерей. Никогда еще дети не входили в жизнь такими сознательными и строгими судьями прошлого, и я вполне верю в факт, рассказанный мне: одиннадцатилетняя туберкулезная девочка сказала доктору в присутствии своего отца и указывая пальцем на него:

«Это вот он виноват, что я больная, до сорока лет трагился здоровьем на всяких дряней, а потом женился на маме, ей еще только двадцать семь, она здоровая, он, видите, какой несчастный, вот я и вышла в него».

Есть все причины ожидать, что такие суждения детей не будут редкостью.

Действительность дает нам все больше «сырого материала» для художественных обобщений. Но ни драма, ни роман еще не дали достаточно яркого образа советской женщины, свободно и отлично действующей во всех областях строительства социалистической жизни. Заметно даже, что драматурги стараются писать как можно меньше женских ролей. Трудно и объяснить—почему это?

А между тем, хотя у нас женщина социально равноправна с мужчиной и хотя она успешно доказывает разнообразие своих дарований и широту своей трудоспособности,—равноправие это весьма часто и во многом является внешним, формальным. Мужчина все еще не забыл, или уже преждевременно забыл, что в течение десятиков веков женщина воспитывалась для чувственных забав и как домашнее животное, способное играть роль «хозяйки». Этот старый и гнусный долг истории половине народонаселения земли следовало бы оплатить мужчинам нашей страны в первую очередь, и в пример всем прочим мужчинам. И здесь литературе следует попытаться изобразить работу и психику женщины так, чтобы отношение к ней поднялось над общепринятым, мецанским отношением, заимствованным у петухов.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА— ВСЕСОЮЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Далее, я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это—всесоюзная литература. Так как литературы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся,—ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество наименьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом—гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества. Не следует забывать, что на всем пространстве Союза Социалистических Республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной—человеческой», к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры. Мы уже видим, что чем дальше вперед, тем более мощно этот процесс выявляет скрытые в 170-миллионной массе способности и таланты.

Я нахожу нужным сообщить вам, т. е. письмом, полученное мною от одного татарского литератора.

«Великая Октябрьская революция дала нам, писателям из угнетенных и отсталых народов, неограниченные

возможности, в том числе и возможность выступить в русской литературе со своими, правда, еще далеко не совершенными, произведениями. Нас, писателей-националов, печатающихся на русском языке, как вам известно, уже десятки и даже сотни. Это, с одной стороны. С другой—советскую литературу на русском языке читают теперь не только русские массы, но и трудящиеся всех народов нашего Советского Союза.

На ней воспитываются миллионы подрастающего поколения всех национальностей. Таким образом, советско-пролетарская художественная литература на русском языке уже перестает быть литературой исключительно людей, говорящих на русском языке и имеющих русское происхождение, а постепенно приобретает национальный характер и по своей форме. Этот важный исторический процесс выдвигает на первый план совершенно неожиданные новые задачи и новые требования.

«К величайшему сожалению это понимают не все писатели, критики и редактора. Поэтому, так называемая, апробированная литературная общественность в центре продолжает смотреть на нас, как на «этнографический экспонат». Не все издательства принимают нас к изданию с охотой. Некоторые частенько дают понять при приеме рукописи, что мы являемся для них «накладным расходом» или «принудительным ассортиментом», что они «сознательно делают скидку на-

циональной политике партии». Эти «мины благородства» вполне справедливо оскорбляют в нас чувство интернационального единства и сознания полноценного человека. Критика же по выходе произведения из печати, в лучшем случае обмолвится парой «тепленьких словечек» по адресу автора и книги, опять-таки не столько по заслугам, сколько из «уважения» к ленинско-сталинской национальной политике. Это также не воспитывает нас, а наоборот, на некоторых мало искусственных товарищей действует демобилизующе и разлагающе. Затем, после однократного и обычного пятитысячного тиража, который целиком раскупается любителями экзотики и редкостей в больших городах, нас сдают в архив. Такая практика, помимо того, что оказывает на нас как морально,

так и материально плохое действие,—преграждает наш путь к массовому читателю и ведет нас к неминуемой национальной ограниченности. Нам же весьма естественно хотелось бы услышать о своих достижениях, если таковые имеются, о недочетах и ошибках (которых у нас больше, чем у других), чтобы их изжить и в дальнейшем, хотелось бы стать доступными массовому читателю».

Вероятно, под этим письмом готовы подписаться представители литературы всех союзных республик и автономных областей. Историки и критики нашей литературы должны обратить внимание на это письмо и начать работу, которая внушила бы людям нашей страны, что хотя они разноплеменные, разноязычные, но все и каждый из них — граждане первого в мире социалистического отечества.

КРИТИКА ДОЛЖНА УЧИТЬ ПИСАТЬ ЯРКО, ПРОСТО, ЭКОНОМНО

Упрек, адресованный нашей критике, мы должны признать справедливым упреком. Критика, особенно газетная, наиболее читаемая писателями,—критика наша не талантлива, схоластична и малограмотна по отношению к текущей действительности. Ничтожество книжно-газетного знания особенно ярко обнажается в наши дни быстрого изменения действительности, обилия разнообразных деяний. Не имея, не выработав единой руководящей критико-философской идеи, пользуясь все одними и теми же цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина,—критика почти никогда не исходит в оценке тем, характеров и взаимоотношений людей из фактов, которые дает непосредственное наблюдение над бурным ходом жизни. В нашей стране и работе есть много такого, чего, конечно, не могли предусмотреть Маркс—Энгельс. Критика говорит автору: «это сделано неверно, потому что наши учителя говорят по этому поводу так-то». Но она не может сказать: «это—неверно, потому, что факты действительности противоречат показаниям автора». Из всех чужих мыслей, которыми пользуются критики, они, видимо, совершенно забыли ценнейшую мысль Энгельса: «Наше учение—не догма, а руководство к действию». Критика недостаточно действительна, гибка, жива, и, наконец, критика не может научить автора писать просто, ярко, экономно, ибо сам он пишет многословно, тускло, и, что еще хуже—или равнодушно, или же слишком горячо,—последнее в том случае, если он связан с авторами личными симпатиями, а также интересами группы людей, заболевших «вождизмом», прилипчивой болезнью мещанства.

«Вождизм» — это болезнь эпохи, она вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства, ощущением его неизбежной гибели в борьбе капитализма с пролетариатом и страхом перед гибелью, — страхом, который гонит мещанина на ту сторону, которую он издавна привык считать наиболее физически сильной,—в сторону работодателя — эксплуататора чужого труда, грабителя мира.

Внутренне «вождизм» — результат пассивности, бессилия и нищеты индивидуализма, внешне он выражается в формах таких гнойных нарывов, какковы, например, Эберт, Носке, Гитлер и подобные герои капиталистической действительности. У нас, где создается действительность социалистическая, такие нарывы, конечно, невозможны. Но у нас в качестве наследия мещанства еще остались кое-какие прыщи, не способные понять существенное различие между «вождизмом» и руководством, хотя различие совершенно ясно: руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает пути к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил, а «вождизм» — индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища, что и удается весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца.

Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но неспособны чему-либо научить. Не замечают попыток воскресить и ввести в жизнь некоторые идеи народнической литературы, и, наконец,—что очень важно—не интересуются ростом литературы областной, не говоря о союзной. Следует еще сказать, что критика не касается публичных сообщений литераторов о том, «как они пишут?», а эти сообщения очень требуют внимания критики.

Самокритика необходима. товарищи. Мы работаем перед лицом пролетариата, который, становясь все более грамотным, непрерывно повышает свои требования к нашему искусству, да вместе с этим и к нашему социальному поведению.

Коммунизм идей не совпадает с характером наших действий и взаимоотношений в нашей среде,—взаимоотношений, в коих весьма серьезную роль играет мещанство, выраженное в зависти, в жадности, в пошлых сплетнях и взаимной хуле друг на друга».

«... В Союзе Советов мещанство

сдвинуто с места, выгнано из его гнезд, из сотен уездных городов, развевалось всюду и, как мы знаем, просачивается даже в партию Ленина, откуда его вышибают при каждой партийной чистке.

Партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний мещанства. Партийцы в литературе обязаны явиться не только учителями идеологии, организующей энергию пролетариата всех стран на последний бой за его свободу,—партийное руководство должно явить всем своим поведением морально авторитетную силу. Эта сила должна внести в среду литераторов прежде всего сознание ими коллективной их ответственности за все явления в их среде. Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых, даровитых писателей, должна быть организована, как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития.

Надо усвоить, что критический реализм возник, как индивидуальное творчество «лишних людей», которые, будучи не способными к борьбе за жизнь, не находя себе места в ней, и более или менее отчетливо сознавая бессмысленность личного бытия, понимали эту бессмысленность только, как бессмыслие всех явлений социальной жизни и всего исторического процесса.

Отнюдь не отрицая широкой огромной работы критического реализма, высоко оценивая его формальные достижения в искусстве живописи словом, мы должны понять, что этот реализм необходим нам только для осуждения пережитков прошлого, для борьбы с ними, вытравливания их.

Но эта форма реализма не послужила и не может служить воспитанию социалистической индивидуальности, ибо, все критикуя, ничего не утверждая, или же в худших случаях—возвращаясь к утверждению того, что ею же отрицалось.

Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы, — социалистическая индивидуальность, может развиваться только в условиях коллективного труда, поставившего перед собой высочайшую и мудрую цель — освобождения трудящихся всего мира из-под искажающей людей власти капитализма.

Сказав так много о недостатках литературы нашей, я обязан отметить ее достоинства и завоевания. Здесь у меня нет места и времени указать на резкое различие нашей и западной литературы, — это кропотливая и длительная работа, частично ее осветит в своем остром докладе товарищ Радек. Скажу только, что для всякого беспристрастного ценителя совершенно ясно: наша литература обогнала западную новизною тем, и напомню, что многие из литераторов наших оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине. О завоеваниях литературы нашей я уже говорил полным голосом и с великой радостью в 1930 г., в статье, напечатанной в книге «О литературе», стр. 52—54, и во многих других статьях этой книги. С той поры прошло четыре года напряженной работы. Дает ли эта работа мне право повысить оценку достижений нашей литературы? Право это мне дает высокая оценка целого ряда книг основным нашим читателем — рабочим и колхозником. Вам известны эти книги, а потому я не буду называть их, скажу только, что у нас есть солидная группа живсписцев словом, группа, которую мы можем признать «ведущей» в процессе развития художественной литературы.

Эта группа объединяет наиболее талантливых партийцев, литераторов с беспартийными, и последние становятся «советскими» не на словах, а на деле, осваивая все более глубоко общий и общечеловеческий смысл героической работы партии и рабочекрестьянской советской власти.

ЗАДАЧИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Высота требований, которые предъявляются к художественной литературе, быстро обновляемой действительностью и культурно - революционной работой партии Ленина,—высота этих требований объясняется высотой оцен-

ки значения, которое придается партией искусству живописи словом. Не было и нет в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой товарищеской помощью, такими заботами о повыше-

нии профессиональной квалификации работников искусства и науки. Об этой помощи, об этой работе говорят нам не только организации Визм и Литвуза.

Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных «мастеров культуры», «инженеров души». Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей.

Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию «судей мира и людей», «критиков жизни», но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе «изменения мира». Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности за всю литературу, за все явления, которых в ней не должно быть.

Союз советских литераторов объединяет 1500 единиц, в расчете на массу, мы получаем: одного литератора на 100 тыс. читателей. Это—не много, ибо жители Скандинавского полуострова в начале этого столетия имели одного литератора на 230 читателей. Население Союза Социалистических Республик непрерывно и почти ежедневно демонстрирует свою талантливость, однако, не следует думать, что мы скоро будем иметь 1500 гениальных писателей. Будем мечтать о 50. А чтобы не обманываться—наметим 5 гениальных и 45 очень талантливых. Я думаю, для начала хватит и этого количества. В остатке мы получим людей, которые все еще недостаточно внимательно относятся к действительности, плохо организуют свой материал и небрежно обрабатывают его. К этому остатку нужно присоединить многие сотни кандидатов в союз и затем—сотни «начинающих» писателей во всех республиках и областях. Сотни из них пишут, десятки уже печатаются. За 1933—34 гг., в различных городах от Хабаровска и Комсомольска до Ростова и Сталинграда, Ташкента, Воронежа, Кабардино-Балкарии, Тифлиса и т. д., вышло около тридцати сборников и альманахов, наполненных произведениями местных начинающих литераторов.

Оценивать эту работу—обязанность критики, которая все еще не замечает ее, хотя нра заметить. Эта работа, какова бы она ни была, говорит все-таки о глубине культурного процесса в массе народа. Читая эти книжки, чувствуешь, что авторы стихов, рассказов, пьес—рабочие, сельхозры. Я думаю, что мы имеем добрый десяток тысяч молодежи, которая стре-

мится работать в литературе.

Теперь я спрошу:

Зачем организован съезд литераторов и какие цели ставит перед собой будущий союз?

Если только цели профессионального благоустройства работников литературы—тогда едва ли следовало городить столь грандиозный огород. Мне кажется, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом. Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом как прошлого, так и настоящего.

В стране нашей идет работа по «истории фабрик и заводов». Оказалось, что привлечь к этой работе высококвалифицированных литераторов весьма трудно. Покамест из них отлично работают только поэтееса Шкапская и Мария Левберг, другие же не только не касаются сырого материала, но не находят времени для редактирования обработанного.

Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начаты работы по истории удельно-княжеских и порубежных городов от времени их основания до наших дней. Эта работа должна осветить нам в очерках и рассказать жизнь феодальной России, колониальную политику московских князей, царей, развитие торговли и промышленности—картину эксплуатации крестьянства князем, воеводой, купцом, мелким мещанином, церковью и заключить все это организацией колхозов—актом подлинного и полного освобождения крестьянства «от власти земли», из-под гнета собственности.

Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики.

Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса—Ленина—Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях,—трудом, который организует, которым руководит новая сила истории—воля и разум пролетариата Союза Социалистических Республик.

Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов. Наш съезд должен быть не только отчетом перед читателями, но только парадом наших дарований, но он должен взять на себя организацию литературы, дело воспитания молодых литераторов на работе, имеющей всеобщее значение всестороннего познания прошлого и настоящего нашей родины.